

Владимир Шарик

Случаи в жизни могут быть разные.

(Сборник юмористических рассказов)

CARTE POSTALE

*l'occasion du 1er Avril je
vous annonce
et sa re
Je vous
musique*

16+

Владимир Михайлович Шарик

Случаи в жизни могут быть разные. Сборник юмористических рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40935715
SelfPub; 2019*

Аннотация

В сборнике собраны юмористические рассказы, которые рассказывают о смешных и не очень смешных историях в нашей жизни, такова жизнь. Здесь вы узнаете, что такое человеческие слабости, что такое женские хитрости. Есть там театральные истории, герои которых хотят достичь правды в искусстве, но не всегда это у них получается или не всегда они находят поддержку у соответствующих служб. Но, как говорится, лучше сразу посмеяться, чем потом плакать, поэтому я и предлагаю вам весело провести время с моими "чудными" героями. Я думаю, что вы не будете разочарованы ими и не будете жалеть о бесполезно потерянном времени.

Содержание

Сотый	4
Неоклассик	8
Не верю	16
Чем провинился Борька	23
В вагоне	27
Нечто из жизни мух	44
Театральные страсти	47
Рассеянный – 3	51
Ворона и сыр.	54
Про козерогів	55
Театр и жизнь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

СОТЫЙ

Драматург зашел в кабинет Режиссера с ослепительной улыбкой.

– Дорогой служитель Мельпомены, я вас поздравляю!

– С чем? – удивленно посмотрел хозяин кабинета на вошедшего мужчину.

– Вы у меня сотый.

– Не понял.

– Вы сотый режиссер, к которому я обращаюсь со своими произведениями.

– Ну, и что?

По внешнему виду его можно было понять, что визит этого Труженика Пера его не слишком обрадовал.

– Вот хочу, чтобы вы познакомились с моим произведением.

– Вам мало того, что с вашим произведением уже познакомились 99 служителей Мельпомены.

– Видите ли. – Посетитель немного смутился. – Видите ли... Я не уверен, что они знакомились, читали мое произведение. Видите ли, они так высоки.

Драматург посмотрел на потолок.

– У вас, что тоже крыша течет?

– Который уже год не могут исправить крышу. Пишу сметы, делаю заявки, а воз и ныне там.

– Да-а-а. В нашей стране не действуют законы господни – стучите и вам откроют. Не надейтесь, не откроют.

– Но зачем, же вы тогда ко мне зашли?

– Юбилейный все-таки режиссер. Как тут отказаться.

– Правильно сделали, что зашли. Вот мы сейчас с вами обсудим.

– Давно готов, хоть какой-нибудь отклик. Даже мне не важно будет, хороший или плохой. Главное, будет услышан глас вопиющего в пустыне.

– Вы человек с юмором.

– Что есть, то есть.

– Это вы сами писали?

– Конечно, сам. Как же еще может быть, – удивился автор.

– Нечего удивляться. У нас же есть такие деятели, что скатают произведение у известного автора и выставляют как свое.

– Нет. Я сам трудился. От начала до конца.

– И сколько же времени вы трудились над этим опусом?

Драматургу очень не понравилась такая оценка его творчества, но он проглотил обиду.

– Почти год работал над пьесой. Я вообще серьезно работаю над текстом, не допускаю фальши.

– И что вот так сели за стол и целый год писали и писали.

– Почему же. Не все время сидел и писал. Бывали перерывы. Вставал, ходил по комнате, думал.

– Это же надо – целый год вложил вот в эту папку.

Режиссер потряс рукописью.

– Это же творчество.

– А если бы вы в это время картошку посадили?

– В каком смысле? – не понял автор.

– Вы какой урожай вырастили бы за год? Вы только подумайте хорошо, прежде чем ответить.

– Но зачем мне сажать картошку, если я могу пойти и купить в магазине картошку.

– Вы меня не поняли. Надо мыслить абстрактно. Если бы вы посадили несколько гектаров картошки, а затем продали её на базаре, то вы бы стали миллионером.

– Но у меня нет задачи стать миллионером.

Режиссер беспокожно посмотрел на автора.

– У вас в семье не было психически больных?

– Нет.

– Но, как можно отказываться от миллиона. Я вас не понимаю. А, если посадить арбузы, а затем отправить его в тундру, то можно сделаться миллиардером. Представляете, берете одно такое маленькое зернышко весом одной грамма, закапываете его в землю, и ровно через девяносто дней получаете арбуз в двадцать килограмм. Это какая же прибыль получается – двадцать килограмм разделить на один грамм.

Режиссер шепчет губами, производя вычисления в уме.

– Да, вот это навар. Совсем не то, что в театре – вкладываешь в спектакли огромные деньги, а получаешь кукиш.

– Я не понимаю...

– Я тоже не понимаю, зачем бросать такое прибыльное дело, ради сплошных убытков.

– Но все, же посмотрели бы мою пьесу?

– Но ее, же уже смотрели девяносто девять человек.

– Может, поставили бы на сцене?

– Такого априори не может быть?

– Почему?

– Ведь не Шекспир вы и не Чехов? Так что не морочьте ни себе, ни людям, то, что на пасху красят.

Неоклассик

После очередной встречи с директором театра, которому я предоставил в который раз переписанную пьесу, я шел в препротивном настроении. В очередной раз Геннадий Юрьевич мне говорил о высоком назначении театра, о том, что сцена – это святое место, которое предназначено только избранным. Вот только кто попадает в этот круг избранных, он мне толком не объяснил. Еще он долго мне рассказывал о трудностях, которые переживает театр в настоящее время, об артистках, которые падают в обмороках от недоедания. Я уж не говорю о костюмах, продолжал директор, которые приходится перекраивать в сотый раз для новых спектаклей. Я попытался возразить ему, мол, моя пьеса о современности и на костюмах и прочем антураже не надо будет заботиться. На что он ответил.

– Яков Михайлович дело тут не в костюмах.

– А в чем же? – поинтересовался я.

– В высоком искусстве, – таинственно произнес он и показал указательным пальцем на потрескавшийся потолок.

Понятное дело, после таких слов у меня не осталось никаких аргументов, чтобы убедить директора в ошибочности его позиции. Я ушел с твердым намерением не оставить это дело так, а идти дальше. Но куда? Я уже прошел все инстанции, которые занимаются насаживанием культуры. Правда,

сеют они эти семена, видно, на неблагоприятный грунт, ибо всходов уж столько лет нет. Бурьян один растет. Как же изменить эту порочную систему, кто может изменить это бесполезное времяпровождение, кто заставит этих сеятелей перестать толочь воду в ступе. После долгих размышлений я понял, что это может изменить только один человек – Президент. И я решил написать ему письмо, в котором рассказал обо всех неурядицах, которые творятся в нашем искусстве. Еще отметил, что наши проповедники высоких материй забыли о завете своего учителя Станиславского, который сказал, что театр, который не отражает современную действительность – мертв. А попытки приблизить классику к современности, типа, вручить Гамлету автомат Калашникова глупы и смешны.

Отправил я письмо такое, и замер в ожидании. Каждый день бегал на почту, спрашивал, не пришел ответ ли от нашего гаранта. К сожалению, ответа не было. Прошло некоторое время, я уж и надежду потерял, что президент со своей высоты заметит мое послание. И вдруг... Звонок в двери. Я подхожу и спрашиваю.

– Кто там?

– Вы письмо Президенту писали? – они мне в ответ.

– Писал.

– Открывайте двери, мы вам ответ привезли.

На радостях я открываю двери. Там стоят два молодца одинакового лица, одетые в гражданскую одежду, и в шля-

пах.

– Где же ответ? – нетерпение прямо знобит меня.

– Одевайтесь, мы вас к президенту повезем. Он вам там все расскажет с глаза на глаз.

Я, конечно, поторопился, оделся в момент и уже собираюсь идти с ними, а один вдруг мне говорит.

– Захватите только зубную щетку.

Должен сказать, что это меня немного смутило, но потом подумал, что это такие правила этикету. Президент, мол, не любит, когда на него перегаром дышат, поэтому взял свою зубную щетку и начатый тюбик зубной пасты.

На улице нас ждала машина, правда, она тоже меня несколько удивила, но я снова подумал, что это необходимо для безопасности лиц, которые едут на встречу с Президентом. Мы помчались по сонным улицам, будя горожан звуками сирены. Я чувствовал себя очень важной особой, ибо меня везли служебной машиной с сиреной, чего удостоиваются только ответственные работники правительства.

Заехали мы во двор, огражденный высоким забором и колючей проволокой. Я, конечно, понял, что это апартаменты Президента, ибо его надо очень охранять от своего народа. Меня вывели из машины два молодца одинакового лица, взяли под руки и повели по длинным коридорам президентской резиденции. Правда, меня удивила скромность и простота апартаментов. Вот и верь этим средствам массовой информации, что президент утопает в роскоши, и даже унитаз у

него золотой.

Меня завели в просторный кабинет, где сидело несколько человек в белых халатах. Конечно, к президенту допускают только здоровых людей, подумал я, потому и проводят проверку здоровья человека. Они задавали мне различные вопросы, которые ставили порой меня в тупик. Например, спрашивают меня, не роняла ли меня мама в детстве на землю или как я отношусь к инопланетянам.

После недолгого совещания, до меня долетели лишь отдельные слова.

– Поместим его к Пушкину... Он же прозаик, уж лучше пускай он будет в одной палате со Львом Толстым... Толстый бывает очень буйным... Давайте лучше его поселим вместе с Гоголем.

На том и порешили. Один из заседавших, видно, он был старший, дал команду молодцам.

– Отведите его в комнату к Гоголю.

– Извините, но мне надо к Президенту, – возразил я.

– Извините нас, но президент сейчас в бегах. Когда он найдется, тогда и поселем вас вместе.

Меня снова повели по длинному коридору два молодца одинакового лица. Мне это уже не совсем нравилось, ибо желаемой встречи с Президентом не произошло, а с Гоголем в одной комнате мне не хотелось находиться. Я не скажу, что мне не нравился Николай Васильевич, но тот способ, которым меня водворяли туда, меня возмущал. Я хотел уже до-

мой, потому начал пытаться освободиться от цепких рук этих парней, но они были намного сильнее меня, и потому я был обречен.

Меня бросили в небольшую камеру, слабо освещенную электрической лампочкой в решетке. Мои глаза постепенно привыкли к слабому освещению, и я смог рассмотреть обстановку камеры. Правда, она была обставлена очень скромно. Две кровати, расположенные одна за одно, стол и два стула. Вот и вся обстановка. Это было мое очередное разочарование, ибо я совсем не такого приема ожидал от президентского окружения.

– Майн гот! Майн гот! – услышал я резкие крики, которые раздавались в комнате. Только присмотревшись внимательно, я увидел на одной из кроватей некоего человечка скрутившегося калачиком.

Я подошел к нему, что бы рассмотреть поближе моего сокамерника. Он совсем не был похож на классика русской литературы. Я толкнул его в плечо.

– Ей, кто ты такой?

Он пролепетал что-то на чужом языке. Я еще раз попытался узнать его данные, но он снова пролепетал что-то на иностранном языке, очень похожем на немецкий. Тогда я собрал весь свой словарный запас, который накопил в средней школе и спросил.

– Ви гайст ду? – что в переводе на наш язык означало. Как тебя зовут?

Он снова пролепетал что-то, но из этого словоизвержения я только понял несколько слов: Георг Вильгельм Фридрих Гегель и еще какой-то каламбур из немецких слов.

– Так ты, Гегель, не Гоголь?

– Я, я. Их бин Гегель Георг.

– Вот турки, – сказал в сердцах я.

– Их бин не турок, – возразил Гегель.

– Да это я не о тебе, а о тех людях, которые направили меня сюда. Не отличают Гегеля от Гоголя. Настоящие турки, кого только президент держит в своем окружении. Понимаешь, попытался я объяснить другу по несчастью. Понимаешь, у нас раньше такая поговорка была по определению интеллекта, по-современному АЙ-КЮ. Так вот интеллигентным у нас был тот человек, который знает разницу между кабелем и кобелем, между Гоголем и Гегелем, Бабелем и Бибелем, Ахматовым и Ахматовой. Понял меня.

– Нихт ферштейн. – пролепетал Гегель.

– А что с тобой говорить, только время терять, – с досадой сказал я и забрался на свободную кровать, чтобы порассуждать о своем плачевном состоянии.

Лежу, думаю, но ничего толкового не могу придумать, как мне выбраться из такого положения. Разве что в ООН написать, в комиссию по правам человека. Вот только надо слова подобрать нужные, чтобы письмо убедительней вышло. Ковыряюсь в своей памяти, и вдруг из полумрака на меня выплывает силуэт настоящего Николая Гоголя. Смотрит на ме-

ня с такой вот ухмылочкой, что, мол, брат попал в переделки. А я ему.

– Да, Николай Васильевич, пострадал из-за любви к искусству.

– А ты что думал, что здесь тебя ждет широкая мощенная дорога, по которой ты пройдешься маршем да с песней. Искусство всегда требует жертв – это совсем не пустые слова.

– Это я уже понял, только, сколько же еще жертв мне приносит, и вообще, оправданы ли будут эти жертвы?

– Надо верить, и все тогда сбудется, и успех обязательно придет. Я же достиг желаемого, хотя было не так просто.

– Вам легко говорить, Николай Васильевич. Придет успех, только надо верить.

– Почему это?

– Да потому что у вас ведь не было классиков.

– Были и у нас классики, у которых мы учились. Вот я Шекспира очень штудировал.

– Шекспир, Грибоедов, Фонвизин. Вот, и все ваши классики. А посмотрите, сколько сейчас у нас классиков. Будь у ваших современников такой выбор, то вряд ли бы попали на сцену. Даже царь Николай бы вам не помог.

– Спасибо, конечно, ему, а то цензура б меня зарезала бы без ножа.

– А у нас сейчас нет цензуры.

– Как это?

– А вот так, Николай Васильевич. Есть вещь похуже ва-

шей цензуры, это общественное мнение, которое господствует над всеми людьми, в том числе и над деятелями искусства. Вот есть такое мнение, кто его придумал, кому принадлежит, но его переступить нельзя, ибо потом не докажешь, что ты не верблюд. Потому наши режиссеры и гоняют классику, потому что тут не надо ничего доводить. Вот такие у нас дела, Николай Васильевич. И вот из-за такой позиции этих, с позволения сказать, деятелей искусства наша с вами родина, Николай Васильевич, ушла с передовых позиций в культурной жизни. Гоняют дешевенькую попсу из-за бугра в наших театрах, вместо того, чтобы искать на наших просторах новых Гоголей, Островских, Чеховых.

– Неужели дела у вас так плохи?

– Да, Николай Васильевич! Извините, что применю такое затасканное словосочетание, но оно в точности отвечает положению в нашей культуре, где деятели высокого искусства любят себя в искусстве, а не искусстве в себе.

Николай Васильевич нахмурился, хотел что-то сказать, но ничего не сказал, а кажется, слезу смахнул со своего лица. Или мне так показалось. А потом он вовсе исчез. Я зову его, а он не отвечает. Мне так обидно стало.

Тут меня кто-то толкает в плечо. Я открываю глаза, а передо мной стоят те два молодца, одинакового лица.

– Пошли с нами, президент нашелся.

Не верю

– Не верю я женщинам! Все в них наигранно, искусственно, каждый шаг свой они рассчитывают с тем, чтобы извлечь максимальную выгоду, – сказал Петя Куркин.

– Чем это они так не угодили тебе? – поинтересовался Иван Недайвода.

– Да потому что кинули меня сегодня на базаре, как последнего лоха.

– С этого места и поподробней.

– Налей мне, никак не могу успокоиться.

– Это мы сейчас мигом. – Иван торопливо выполнил пожелания друга. Тот залпом опрокинул стакан.

– Ах, ядреная у тебя самогонка, Петя. Поделись секретом, из чего ты её делаешь?

– Никакого секрета тут нет. Видел же ты у меня сад?

– Видел. Хороший сад.

– Так вот упадут у меня спелые абрикосы, я их не выбрасываю на мусор, а бросаю в большую бочку. Через время они заиграют, а я туда добавляю сливы, яблока, груши, которые спелыми падают с дерева. Всё это тщательно перемешиваю, и дней десять оно у меня бродит, после чего получается отличная бражка. А дальше, как говорится, дело техники.

– Да, процесс замечательный и продукт получается высшего качества.

– Может еще.

– Нет, спасибо, дай передохнуть.

– Главное в этом процессе, что у меня никакой фрукт не пропадает.

– Так о чем это я говорил?

– О женщинах говорил ты что-то.

– Да, о женщинах. – Петр напряг память, согнал морщины на лице. – Никогда не мог подумать, что они способны на такую подлость.

– Что ты тянешь кота за хвоста, давай рассказывай.

– Даже неудобно такое говорить, люди смеяться будут.

– Я никому не расскажу, вот тебе крест. – Иван перекрестился несколько раз.

– Смотри ж только никому.

– Могила.

– Так вот поехал я сегодня черешню продавать. Ты же знаешь, какая у меня черешня "Воловое сердце"?

– Конечно, знаю. Ты же мне на прошлой недели дал её попробовать. Вкусные вишни, малая моя, не могла оторваться. Я боялся, что с ней плохо будет.

– С чего бы это ей плохо было? Я ведь химикатами дерево не обрабатывал.

– Да, потому что много кушала. Но всё нормально прошло. Ну, что же дальше было?

– Говорю ж тебе, что повез на базар черешню – целый прицеп нагрузил. Продаю я, значит, черешню. Торговля так себе

была, но товар покупали. И тут ко мне подходит женщина... Ну, такая красивая. Всё при ней, одета с иголочки, прическа сделана хорошо. Словом, такую красавицу можно только по телевизору увидеть. Спросила она у меня, почему у меня товар, а у меня сердце едва не выскочит, такого туману она напустила. Ответил я ей, а она мне.

– Свесь мне килограммчик, только вон с того ящика, что наверху. – встает она на подножку прицепа и показывает мне понравившийся ящик. А я смотрю туда, и ничего не вижу, ибо юбчонка у неё задралась, а под ней ничего – темный лес. Бермудский, короче, треугольник во всей красе. Понятное дело, что кровь у меня заиграла от такого видения, хотя у меня была жена, я не мальчик, но разволновался, как школьник, который увидел запретный плод. Помню, как в школе, нас ребята из города, они всегда были продвинуты в этом деле, научили заглядывать под юбки школьницам. В ботинок вставляли зеркальце маленькое, и свою ногу девушкам между ног ставили. Любопытно было, что там да как. Взрослели детки.

Так один у нас был Иванушка-дурачок, так он целое трюмо примостил на ботинок. Девушки, конечно, его разоблачили и пожаловались директору, который всем тогда сделал большую лекцию на этическую тему. Да, славное было время. Прошло. Нет, уже того Вани. Попал он на Чернобыль. Ведь не было у него за кого спрятаться: ни богатых родителей, ни знакомств нужных, ни кучи детей. А страна сказала:

"Надо". И он пошел. Налей еще своей плодоягодной продукции.

Петр сказал: "Земля ему пухом", – и выпил залпом.

– Вот такие они герои. Простые незаметные. Они просто выполняют свою работу.

У Петра аж слеза поступила.

– Вот, кстати, вспомнил. Жил у нас в селе такой незаметный мужчина, невысокого роста, худощавый, всегда помнил я его в рабочей одежде и сапогах ходил. А потом праздник какой-то был. В клубе народа собралось, негде яблоку упасть. Все при регалиях своих, при параде. Открывает собрание представитель военкомата, и вызывает на сцену того мужчину, кажется, Виктор Александрович, его звали. Вышел он на сцену, а у него вся грудь в орденах. Да все боевые, заслуженные, не те что на юбилеи дарят. Наши-то ветераны, которые привыкли по президиумам сидеть, да воспоминаниями делиться так и сникли как-то. А вызвали-то того мужчину затем, чтобы награду вручить, как говорится, нашла награда героя. Не помню точно, какая медаль была, то ли за освобождения Польши или Венгрии. Вот такие-то они герои.

– А мой дед Польшу освобождал, и слышал я, как он рассказывал, на меня никто не обращал внимание, ибо маленький был, но я хорошо это запомнил. Поляк так застращали, что идет русский медведь на их землю, который будет грабить, насиловать, убивать, что бедные полячки прямо сами

в постель тащили солдат, лишь бы ублажить их, лишь бы не грабили, не убивали.

– Кто его знает, как оно там было?

– Но насилия-то не было, как сейчас говорят. Тогда за это строго было. Приказ был Главнокомандующего, расстреливать насильников, и расстреливали. Представь, люди дошли до Берлина, конец войны, а их к стенке свои.

– Да, были времена. Так о чем это я говорил?

– О женщине, которая покупала у тебя черешню.

– Ох, и сволочь же она. Показала мне всё свое богатство, и говорит, что не буду я покупать твои вишни, они у тебя подавленные. Развернулось и пошла. А я смотрю ей вслед, как загипнотизированный, и ничего не могу сказать. А потом чувствую, что что-то неладное творится. Хватился, а пояса с кошельком, который у меня на поясе болтался – нет, сняли его у меня, пока я прелестями её любовался. Сознание вернулось ко мне, и побежал за ней, кричу: "Держите, вора! Держите, вора!"

Женщина идет, ничем не выдает своего волнения. Подбегаю я к ней, хватаю за руку. Где в меня только смелость взялась, говорю.

– Пошли в милицию!

– С какой такой стати я должна идти. Гнилыми вишнями торгуешь, а меня честную женщину в милицию ведешь. – Голос она свой повысила, ибо возле нас собралась толпа зевак.

– Ты у меня кошелек украла!

– Посмотри, в сумку, обыщи меня, – она по-прежнему держится спокойно, что я даже растерялся, понятное дело, не могла она в своей дамской сумочке спрятать мой пояс с кошельком. Тем не менее, я не отступаю от своего, бо больно мне денег жалко, там же была выручка за несколько дней. У меня была такая привычка, все деньги с собой носить, может, какой нужный товар подвернется по сходной цене.

– У тебя сообщники были, которые и своровали мой кошелек, когда ты меня отвлекала.

– И чем же это я тебя отвлекала? – говорит она и с наглой усмешкой смотрит на меня.

– Тем, – запнулся я, неудобно было даже говорить.

– Чем? – прямо она-таки издевается надо мной, так нагло, бесстыдно – есть же такие женщины, у которой ни на грамм совести нет. Не выдержал я и кричу.

– Ты без трусов по базару ходишь!

– Фу, какие мы нежные и чувствительные. Или никогда женщин голых не видели? – снова нагло издевается надо мной.

– А вот сейчас пойдем в милицию, пускай она разбирается, почему это такие гражданки ходят с голыми задницами по базару.

Ташу я её за собой, некоторые из зевак поддерживают меня, ибо появились у них подозрения. Но женщина вырывает свою руку из моей руки.

– Что это делается. Честных женщин в милицию тащат.

Безобразия и только!

– А ходить по базару голой это не безобразия!

– Да, да, – поддерживают зеваки. – В милицию её, в милицию.

– А если у меня в трусах резинка лопнула, то, как я должна ходить? Вот проверь, если не веришь, – и она швырнула мне в лицо свои красненькие трусики. Я, конечно, выпал в осадок, а она пошла, как герой, с высоко поднятой головой. Толпа зевак рассеялась. Вот такие они женщины. Все делают для того, что бы напустить на нас туман, а затем взять нас голыми руками, – закончил Петр и смотрит на Ивана, а тот смотрит куда-то, ввысь и говорит.

– Не верю.

– Ты не веришь, что меня так женщина облапошила. Да, я тебе трусики её принесу, в машине лежат.

– Нет, я не верю, что внук, правнук вот того героя войны Виктора будет стрелять во внука, правнука его побратима, с которым они били ненавистного врага и гнали до самого Берлина. Не верю.

Чем провинился Борька

Во дворе сельского механизатора Степана Возняка происходила непонятная возня. Хозяина дворища тащил веревкой накинутой на рога бычка, а за хвост животного держалась его супруга Оксана и кричала, что есть силы:

– Не дам я тебе Борьку!.. Не дам.

– А я тебе говорю, отпусти его хвоста. Раз я так надумал так и будет.

– Сколько можно уже можно денег тратить на суды?

– Сколько надо, столько и буду тратить.

– Но тебе, же сказали, что ты неправ уже в суде. Зачем ты упорствуешь?

– Это твой Игорь купил суд, потому суд и вынес такое постановления. Но мой адвокат подал апелляцию в суд высшей инстанции.

– Ох, ты веришь этому проходимцу адвокату. Он мне сразу не понравился – его бегающие глаза, его слащавая улыбка.

– Ничего ты не смыслишь в судейских делах. Так вот да будет тебе известно – этот адвокат выиграл все дела, которые он вел, я узнавал.

– Почему же он твое не выиграл, ведь для того, что бы он занялся твоим делом, ты в прошлом месяце зарезал нашу свинью Машку?

– А кто тебе сказал, что мы проиграли суд?

– Но зачем, же ты хочешь зарезать еще и Борьку?

– Потому что открылись новые факты в нашем деле.

– Какие еще могут быть факты?

– А такие, что надо сделать диагностику поломанному ротору электрической дрели, так как в ней была уже ранее трещина, до того, как в руках нашего Славик поломалась эта самая дрель. И значит, он совсем не виноват в её неисправности, как считает твой брат Игорь.

– Какая польза тебе от того будет, что ты докажешь по какой причине поломалась дрель?

– Или ты совсем ничего не смыслишь в этом деле, или выгораживаешь своего брата. Да, ты понимаешь, что, если мы докажем, что дрель была неисправна, то мы сможем засудить твоего брата за то, что он забрал у нашего Славика трудовую книжку и не отдает ему.

– Но вы бы купили ему новую дрель на том бы дело и порешилось.

– Еще чего придумала. Чего это я буду покупать ему новую дрель, когда он специально дал нашему Славикуну неисправную дрель, что бы он её поломал. Не на того нарвался. Я еще совсем не дурак, хотя ты стараешься убедить меня в этом.

– Ничего я не убеждаю тебя.

– А почему же ты защищаешь своего брата, а не хочешь, что бы его засудили.

– Да этому же суду не видно ни конца, ни края. Сначала ты

порезал наших гусей да кур, затем заколол свинью Машку, теперь пришла очередь Борьки. Да не лучше было бы купить новую дрель, да и дело было бы закончено. А так ты кормил там нашими животными судей, адвокатов.

– Вот правильно говорят, что у женщин короткий ум. Ведь тут дело принципа – кто прав. Мы или твой брат.

– Может у меня и короткий ум, но я считаю, что на те деньги, которые ты отнес в суд, можно было купить десять, нет, даже сотню тех дрелей.

– Не зли меня, Оксана. У меня, итак, на душе скверно. Думаешь, мне просто так пускать под нож нашу живность, но мы должны выиграть это дело – кровь с носа, иначе наступит моя полная деградация. Я не смогу жить с сознанием того, что твой Игорь помыкает нами как хочет.

– Ну, почему же он помыкает? Ведь он наоборот взял нашего Славика на работу, помощником комбайнера. Ты ведь знаешь, как сложно сейчас найти работу.

– Смотри, какой благодетель. Он помыкал нашим Славиком, заставлял делать всякую грязную работу. Чистить сви-нарники, справлять заборы, пасти коров.

– Но ведь это он делал такую работу, пока не началась уборочная, а потом, же он сел за комбайн.

– А за это платил ему копейки.

– Он обещал заплатить после того, как продаст всю пшеницу.

– Знаю я его обещания. Все брось Борьку. Я от своего не

отступлю. Возместит он мне все мои убытки. А если ты защищаешь своего братца, то забирай свои манатки, та и беги к нему.

– Тогда я и Борьку заберу. Я с ним тягалась всё лето. В поле на пашу водила, водой поила и подсыпала ему дерть, что бы он рос быстрее.

– Но нет, уж Борька тебе не достанется.

Сказал Степан и полоснул острой косой по шее Борьки.

В вагоне

Когда Алла пришла в отдел кадров железной дороги, то начальник, пожилой худощавый мужчина, внимательно посмотрев на неё, затем на предоставленные документы, спросил: "А не ошиблись вы девушка дверью?"

– Почему? – искренне удивилась девушка.

– А потому что с вашими данными идут на конкурс красоты, а не в проводники вагона.

– Почему? – еще больше удивилась Алла.

– Потому что это очень трудная работа.

– А я трудностей не боюсь. Наоборот, мне хочется, что бы трудностей было больше. Я хочу испытать себя, что бы понять чего я стою. Не помню, кто сказал, типа того, что преодолевая, трудности мы растем.

– Всё это верно. Только трудности бывают разные, – только тяжело вздохнул начальник отдела кадров и подписал направление на курсы проводников.

После курсов, где она получала только отличные оценки, она попала в бригаду проводников. Бригадирша, полная крашенная блондинка внимательно осмотрела нового члена коллектива, и задала совсем неожиданный вопрос: "А мама и папа у тебя есть?"

– Есть.

– И почему ж они сюдапустили?

– Я сама захотела. Я уже взрослая, и могу всё сама решать. Родители сразу возражали. У папы были знакомые в институте на иностранные языки. А я сказала только в проводники.

– И почему же ты решила идти в проводники?

– Захотелось свет увидеть, а то надоело всё время за партой сидеть. Хочется попутешествовать, людей увидеть, узнать их лучше.

– О, у нас как раз ты их узнаешь очень хорошо, даже может слишком. -

сказала бригадирша и повела Аллу знакомить с её правами и обязанностями. Впрочем, прав-то у проводника практически нет, а вот обязанностей у него... не сосчитать. И пассажиров встречать, и белье раздавать и собирать, и чаем поить, и за порядком смотреть, и ... еще очень много. Алла рьяно взялась исполнять свои обязанности, и все у неё получалось хорошо, и похвалу от бригадирши получала, и комплименты от пассажиров, юноши даже просили номер телефончика у неё. Словом, популярность, как у теле звезды. Знакомство с новыми городами, ведь раньше она никуда не выезжала, а тут колесит по просторам всей страны. Так все красиво. Вот только некоторые мелочи портили общую картину: то постели не досчитается, то полотенец не хватает или стаканов. Помогали старшие товарищи, они всегда возили с собой личные постельные принадлежности и предметы сервиза, что бы возместить потери. К тому же досаждали про-

веряющие, что бы от них отмазаться проводницы сбрасывались в общий котел и передавали разным ревизорам. Впрочем, это не очень омрачало прекрасные впечатления от поездок. Правда, напарница Валя все пугала каким-то страшным ревизором, который ещё не попадался на пути Аллы, но когда-то их пути пересекутся, и тогда...

– Ты девушка очень видная, так что он от тебя не отстанет, – заключила свой рассказ Валя.

– Ничего страшного. Я свои обязанности выполняю хорошо, так что никто мне не страшен.

Валя только помахала головой.

– Это ничего для него не значит.

– Может дать ему взятку, и он отстанет?

– Не отстанет. Он взятки не берет, он такой принципиальный.

– Так что же ему надо?

– Скоро увидишь.

Действительно, на следующей поездке Валентина была очень озабочена и нервная. Много суежилась, подгоняла Аллу, что бы та быстрее работала с пассажирами и производила более тщательно уборку.

– Что случилось? – удивилась Алла.

– Сегодня у нас будет проверяющий Степан Иванович.

– Тот самый? – перешла на шепот Алла.

– Да, тот самый.

– А что же делать?

– Ничего не поделаешь. Ваши пути все равно должны были перекрестись. Готовься к встрече, наводи порядок, приготовь хороший чай. Он любит пить чай с лимоном. Не тот что мы готовим для пассажиров, а тот, что делаем себе.

Алла засучила рукава и стала наводить порядок: помыла еще раз посуду, ложки, вилки, стаканы. Затем стала производить уборку в тамбуре. Наткнулась на большую сумку, с такими сумками обычно ездят "челноки" за границу за товаром.

– Валентина Николаевна, а что это за сумка стоит в тамбуре?

– Да, это два парня своей бабушке передачу передали. Очень просили, говорили, что бабушка там голодает, так они ей картошку передали.

– А что на это Степан Иванович скажет?

– Он на эти мелочи не обращает внимание. А если спросит, то скажем, что себе купили картошки. Имеем право.

– Понятно. – Такой ответ удовлетворил её, и она продолжила наводить порядок.

Валентина тем временем пошла, встречать новых пассажиров на остановке.

Зашел только один мужчина лет под пятьдесят, с пивным брюшком и крупными чертами лица. Алла не обратила на него внимания и продолжала производить уборку.

– О, вижу, что молодая проводница очень хорошо работает. Похвально.

– Мужчина, не мешайте мне, проходите на свое место.

– Да, собственно говоря, я уже пришел на свое место.

– Не поняла.

– Я к вам пришел с проверкой.

– Ах, – только и вырвалось у Аллы, и на какое-то время она стояла, как парализованная. – Вы Степан Иванович.

– Так точно, Степан Иванович, – полушутя, полусерьезно сказал он и в какой-то момент Алла даже подумала, что он приятный человек, совсем не какой-то монстр, как его изображали её сотрудницы.

– Так вы с проверкой?

– Так точно, с проверкой.

– Ой, а Валентины Николаевны где-то нет. Я её сейчас позову.

– Не надо её искать. Я её послал за бригадиром, а пока они придут, то я вас проверю, что бы знать, какое молодое пополнение у нас работает.

– Вам чайку сделать? – вспомнила наставление Валентины Алла.

– Не откажусь.

– Я мигом. – Алла налила кипяточку, достала из сумки пакетик настоящего цейлонского чая, отрезала дольку лимона. – Вот, пожалуйста.

– Спасибо. Очень вы быстро это сделали, и не сомневаюсь, что чай очень хорош. Только одно замечание сделаю, как старший товарищ, а тем более ревизор.

– Какое? – Алла почувствовала, как кровь ударила в голову.

– Понимаешь, милая. Ты ведь сейчас производила уборку?

– Да.

– А разве вас не учили, что производить уборку ты должна в одной одежде, а подавать чай пассажирам в другой одежде. Рукава у вас должны быть застегнуты, а волосы аккуратно уложены.

– Да, нас учили, но ведь...

– Вы хотите сказать, что я не пассажир.

– Обычно, я переодеваюсь.

– Так запомните навсегда, что ревизор – это тоже пассажир. Понятно.

– Понятно.

– Да, и верхнюю пуговицу на своей блузке надо застегивать. Это перед своими кавалерами вы можете свои прелести выставить напоказ, а перед пассажирами вы должны держать себя в строгости, – и он полез своими толстыми пальцами застегивать пуговицу.

В Аллы по телу пробежала мелкая дрожь.

– Что такое? Вы боитесь меня?

– Нет. Это просто так.

– Не надо меня бояться. Я знаю, что на меня тут наговорили всякого? Наговорили ведь.

– Нет. Ничего мне не говорили.

– А вот лгать нехорошо. Я же вижу по вашему лицу, что вы говорите неправду. Про меня тут всякое говорят, но я вас уверяю, что это неправда. Я совсем не страшен, даже бываю иногда слишком добрым, что ревизору нельзя делать. Мы ведь, по сути выполняем одно и то же дело. Вы занимаетесь обслуживанием пассажиров, а моя задача следить за тем, что бы правильно вы всё делали, и подсказывать при необходимости про те неточности, которые вы допускаете. Вот вы не сменили одежду, когда подавали мне чай. Допустим, я вас прощу, а вот пассажиры за такие неточности будут наказывать нас деньгами. Ведь, они будут возмущены таким бардаком в нашем хозяйстве, и будут отказываться от поездок в наших вагонах. Вы согласны со мной.

– Да. Только ...

– Не надо никаких делать исключений. Вот я вам одно говорю, а вы настаиваете на своем. Молодость, молодость. До чего же вы горячи, и не прислушиваетесь к советам старших. Но надеюсь, что это скоро пройдет. Подайте мне журнал жалоб и замечаний.

Алла быстро отыскала среди купы папок нужный документ и передала её ревизору.

Степан Иванович деловито перелистал страницы журнала, читая последние записи.

– Да, вижу, что вы хорошо работаете с пассажирами. Одни благодарности.

– Стараюсь. – Алла немного успокоилась, ибо претензий

со стороны пассажиров к ней никогда не было.

– Хорошо это. Хорошо. Порядок в вашем вагоне тоже поддерживается на должном уровне. Можно сказать, что претензий нет. Работайте и дальше так.

– Буду стараться.

– Замечательно. Если б все проводники работали с таким настроением, то все б люди ездили только железной дорогой. Это, конечно, мечта, но к этому нужно стремиться. А о чем вы мечтаете?

– Не знаю. Не думала как-то об этом. Вот хочу больше городов увидеть, познакомится с новыми людьми.

– А представьте, что произошло крушение вашего поезда. Сошли вагоны с пути, и перекрыли движение поездов по соседнему пути. Начальник поезда дает вам петарды и посылает вас оградить место крушения, что бы следующий по соседнему пути состав не врезался в ваши вагоны. Ваши действия.

Вопрос был поставлен так неожиданно, что Алла не могла ничего вспомнить. Только отрывки каких-то знаний, которые она получала на курсах, крутились в голове, но связать их в логическую систему она никак не могла.

– Я должна...

– Быстрее надо отвечать. Счет идет на секунды. Учтите, вы отвечаете за пассажиров, которые едут в вашем вагоне.

От этих слов ревизора у Аллы окончательно все вылетело из головы.

– Я должна идти навстречу поезду.

– А как вы узнаете, откуда идет поезд? – Степан Иванович был рад, что нашел слабое место у проводницы и уверенно шел к своей цели.

– Начальник вагона ведь мне скажет.

– А если не скажет, что тогда? Будете ждать, когда произойдет столкновение двух поездов?

– Нет, я пойду...

– Куда же вы пойдете, если не знаете, откуда идет поезд. Да, я вижу, что с теоретической подготовкой у вас слабовато. С пассажирами работаете хорошо – это плюс, а вот с теорией надо бы подтянуть.

У Аллы снова пробежала мелкая дрожь по телу, ибо она знала, чем может обернуться запись ревизора в журнале замечаний – её снимут с рейса и отправят на мойки, где она будет в резиновых сапогах и плаще мыть вагоны в депо. Прощай тогда поездки, прощай новые города и поселки, приветливые лица.

– Я знала, я ведь на отлично сдавала все экзамены.

– Экзамены у нас принимает жизнь, а вы не готовы к таким экзаменам.

– Я к следующему рейсу все повторю, и всё отвечу, как надо.

– Вот вы мне давите на сочувствие. Понимаете, я не могу, не имею права распускаться на сентименты, ибо я тоже отвечаю за жизнь пассажиров. И, если что случится, то с меня

спросят, почему не уследил, почему допустил человека, который не знает правил по технике безопасности, к работе с людьми.— Степан Иванович говорил слова, словно топором рубил, а взгляд его шнырял где-то под блузку. — Но вы ведь понимаете, что меня снимут с рейса, и поставят мыть вагоны. — взмолилась Алла.

— Ничего страшного все через это проходят. Подтянете немного теорию, и я уверен, что из вас получится хороший проводник вагона. А если еще подучите иностранный язык, то сможете ездить и в международные поездки. Всё зависит от вас.

— Но я и сейчас все знаю, только растерялась немного.

— Мы не имеем права теряться, ибо отвечаем за жизнь пассажиров. — Степан Иванович был неумолим, и Алла приходила в отчаяние от безысходности. Она, которая во всех отношениях проявила себя, как хороший добросовестный работник, вдруг должна понести наказание наравне с нарушителями дисциплины, не могла понять, почему так строг с ней ревизор, не давая даже скидку на её молодость, не недостаток опыта.

— Задайте мне вопрос по моих прямым обязанностям. Я ведь всё делаю, как надо. Меня начальник поезда хвалит, и ставит даже в пример другим.

— У начальника поезда одни критерии хорошего работника, а у меня другие, которые немного шире, чем у начальника поезда. Ему достаточно, что вы хорошо уборку сделали

в вагоне, и в туалете порядок, а мне надо, что бы весь круг своих обязанностей хорошо знали и исполняли.

– Но я ведь исполняю.

– Не все. Вот вы не знаете, как действовать в чрезвычайной обстановке, а это очень важно. Я вас хочу научить этому, а вы упорно сопротивляетесь. Видите во мне какого-то монстра, который хочет вас наказать.

– Нет, это неправда.

– Что неправда?

– Что я вижу в вас монстра.

– А кто же я в таком случае.

– Ну, можно сказать, что вы наш ... наставник, учитель.

– Вот я вижу, что вы входите в курс своей работы.

– Да. Вы задайте мне еще вопрос какой-нибудь. Только не надо никаких предписаний отправлять нашему начальству. Я вас прошу, – девушка с мольбой глазах смотрит на ревизора, кажется, душу бы сейчас отдала.

– Что ж тогда совсем легенький вопрос. Сигнал "Воздушная тревога" как подается?

– А разве?...

– О, я убеждаюсь, что вы ничего не знаете. Чему вас только учили на курсах?

– Но разве это относится к моим обязанностям?

– Вот видите – я ж говорил, что вы еще не всё знаете, и вам надо маленько подучить. Ведь вдруг прозвучит сигнал "Воздушная тревога", а вы его не услышите, и вовремя не

выведете пассажиров из вагона, то какой опасности вы подвергаете этих людей.

– Я ничего не понимаю! – в отчаянии крикнула девушка.

– Чего вы не понимаете? – ревизор был невозмутим.

– Чего вы хотите от меня?

– Только верного исполнения своих обязанностей.

– Нет. Вы добиваетесь совсем другого.

– Чего же?

– Что б я разделась перед вами. Я знаю, мне говорили старые проводники.

– Глупости это.

– Никакие не глупости. Я все поняла. Что ж я всё сделаю, как вы хотите. – девушка со слезами на глазах стала снимать с себя блузку, затем юбку.

– Успокойтесь. Успокойтесь. – Степан Иванович держал её за руки. – Какая вы нервная. Нельзя же так. Но девушку уже трудно остановить. Слезы лились у неё ручьями. Степан Иванович по-отечески обнял её и пытался успокоить, уговаривал не расстраиваться.

– Я не знаю, кто вам наговорил обо мне всякие гадости. На самом деле я очень хороший человек. Поверьте, я могу для вас сделать очень много, что бы жизнь ваша была очень хорошей. У меня такие связи, у меня такие возможности, которые позволяют вам жить очень достойно, и добиться своей цели в жизни. Ведь у вас есть мечты? – Степан Иванович накидывает блузку на плечи девушки.

– Да. – Алла немного

– Вот и замечательно. Оденьтесь. Не надо никаких нервов делать. Ведь мы взрослые люди. Самостоятельные и вправе сами делать выбор. Поймите, от этого выбора будет зависеть вся ваша жизнь. Мы должны быть друзьями, только в этом случае вас ожидает большое будущее. Вы согласны со мной?... Говорите правду, не бойтесь меня, я ведь не какой-то монстр. Я просто хочу оказать вам услугу, что бы оказались на месте, которое достойно вас.

– Мне и здесь хорошо.

– Очень похвально. Очень похвально. Но вы еще не узнали всех подводных камней, которые будут встречаться на вашем пути, а я б не хотел, что бы всё это испытали. Ваша красота, ваша молодость заслуживает значительно лучшего места. Мне не трудно будет вас перевести со временем в резерв проводников, где вы получите хорошую и спокойную должность.

– Но я хочу ездить проводником пассажирского вагона.

– О, без проблем. Вы будете ездить на столичном экспрессе или нет, ты получишь место в международном поезде. К примеру, на Берлин, или даже в Париж. Ты хочешь поехать в Париж?

– Кто ж не желает поехать в Париж. только я ведь не знаю иностранного языка.

– Это чепуха. Достаточно моего слова и ты будешь ездить в Париж. И никакой ревизор, пожарник или санитарный кон-

троль не предъявить тебе претензии.

– Это похоже на сон.

– Детка, это будет реальность, если только, если только ты будешь умницей.

Алла почувствовала, как рука ревизора опускалась все ниже талии, когда она торкнулась интимного места, то девушка не выдержала.

– Что вы делаете?!

– Будь умницей. Будь умницей. Ты ведь хочешь в Париж?

– Никуда я не хочу, и уберите свою руку.

– Слушай, моя красавица, что я тебе скажу. Если хочешь работать проводницей, то ты должна делать, то, что я хочу. Иначе ты работать здесь не будешь. Тебя проверками замучают, ты ни одну поездку не сделаешь без штрафных санкций. И тебя навечно переведут в бригаду мойщиков вагонов. Тебе нравится такая перспектива?

– Как-нибудь переживу. Другие же переживают.

– Но ты ведь иная. У тебя такая мордашка, у тебя такая фигура, что ты достойна совсем другого. Послушай, у меня есть капитал, мы вообще можем уехать отсюда, и жить безбедно в другой стране.

Рука его снова поползла ниже талии.

– Нет! Нет! Оставьте меня!

Но страсть уже охватила мужчину, он стал срывать с девушки юбку, хватал за бедра. Она отбивалась, как могла, но силы явно были неравны.

– Я на вас заявлю – кричала девушка.

– Кому. Мы в вагоне. Здесь нет свидетелей. Тебе никто не поверит. Будь умницей.

Степан Иванович уже снял всё с девушки, и готов был взять приз у красавицы. Вдруг его по спине кто-то похлопал и посторонний мужской голос промолвил: "Я тут проходил мимо, слышу крики о помощи".

Степана Ивановича, словно, кипятком ошпарили.

– Кто такой, почему в купе? – он лихорадочно застегивает свои брюки трясущими руками.

– Я ж говорю, проходил мимо, а тут крики.

– Что ты мне рассказываешь сказки. Я же закрывал двери на ключ, – он дергает двери.

– Я через стены прохожу, что бы наказывать таких подлецов, как ты, мразь.

– Ах, так это твой сообщник, ты специально его в купе посадила.

– Никого я не сажала, – девушка со страхом и удивлением смотрит, то на парня, то на ревизора.

– Рассказывай мне сказки. Будет тебе предписание, и ты вылетишь из проводников за провоз безбилетного пассажира.

– Никого я не провозила.

– А откуда же он взялся?

– Дядя, не кипишуй, а послушай эту запись.

Юноша нажал на клавишу мобильного: " Мы в вагоне од-

ни. Здесь нет свидетелей".

– Видишь, дядя, здесь есть свидетели, и если я передам это кому следует, то загремишь на нары.

– Безобразие. Еще посмотрим. – зло прошипел ревизор и выскочил из вагона.

– Кто вы такой?

– Студент.

– Но как попали в купе?

– Вон в той сумке, – он показал на большую клетчатую сумку, которая лежала в углу. – У меня не было денег на билет, вот друзья и придумали историю с бабушкой и картошкой, а меня засунули в сумку. Извините, что так получилось, но, если надо, то я выступлю на вашу защиту.

– Ничего не надо, идите в третье купе, там есть свободное место.

На следующий день Алла была в отделе кадров с заявлением. Тот же кадровик с недоумением крутил бумагу в руках.

– Что же вы это уходите от нас, горели так желанием весь мир объехать, да и о вас все были наилучшего мнения, даже Степан Иванович написал хороший отзыв, который от него трудно очень получить.

– Да, я уже всё объездила, всё узнала, хочется оседлости, – сказала девушка и вышла из кабинета.

– Вот она нынешняя молодежь. Загорится желанием, да быстро всё проходит, – пробормотал ей вслед начальник от-

дела кадров.

Нечто из жизни мух

Осень. Паршивевшая погода. Холод. Сырость. Несчастливая Муха мечется по полям и лугам в поисках жилья и чего-то съестного. Пролетая мимо большого кирпичного дома, она села на окно, что бы отдохнуть и немного согреться – от окна лился электрический свет, создавая видимость тепла.

В это время с внутренней стороны окна села ее сродственница – Комнатная Муха. Она первая заметила продрогшую голодную Муху и приветствовала её:

– Здравствуй, дорогая. Как живешь?

– Какая тут жизнь?! Голод, холод. Нигде ни крошки, ни ягодки, а холод пробирает до костей.

– Я тебе сочувствую.

– А ты как живешь?

– Ты не представляешь, какую замечательную жизнь я веду. Балы, приемы, презентации. Короли, принцы, магнаты являются сюда, что бы обделывать свои делишки. Недавно, вот приезжал сам Сорас.

– А кто это такой?

– Ох, дорогая, как можно не знать такого благодетеля. За его столом могут расположиться сотни, тысячи, миллионы мух, и каждой мухе достанется лакомый кусочек. Ах, какие изысканные блюда здесь подаются: и черная икра, и языки, и нежное мясо молодых барашек.

– А тухлого мяса сдохшей кошки там нет.

– Что ты говоришь! Какая ты ограничена! Тухлое мясо. Ты меня просто рассмешила. Там всё подают самое свежее и самое вкусное. А, какие вина там подают! И шампанское, и бургундское, и изумительный портвейн из Португалии, и еще много чего. А вот водку и виски я не люблю. От них быстро пьянеешь, а нам надо держаться. Была у меня одна подруга, которая любила виски из Шотландии. Так однажды она свои силы переоценила и свалилась прямо в стакан с виски Блек Джек. Исход понятен. Так что я балуюсь только вином, иногда могу, правда, позволить себе ликер Малибу. Прекрасная сладенькая вещь.

– Да, вижу я что ты там хорошо устроилась.

– Не жалуюсь.

– А говорят, что там с мухами ведут беспощадную борьбу. Убивают их, троят.

– Я ж говорю, что тут надо быть очень бдительной и осторожной.

– Я ж не прилетаю к началу банкета, когда все люди трезвые, а прилетаю ближе к концу, когда пирующие ничего не видят или в глазах у них двоится-троится. Тогда никто не обращает на меня внимание, и я могу, есть и пить, что захочется.

– Да, попасть бы мне на такую пирушку.

– Я тебя приглашаю. Вот сегодня будет давать пир принц Биранда из Черного континента. Так что жди меня у ...

Тут по стеклу услышался хлопок, от которого Муху сбросило на землю, но она снова поднялась на прежнее место, что бы услышать, где, же они встретятся с Комнатной Мухой. Но, к сожалению, её там не было, только темное пятно осталось на том месте, очень похожее на её сродственницу.

– Нет, уж лучше я полечу и спрячусь в стоге сена, что бы переждать непогоду, – подумала Муха и полетела в сырую холодную темень.

Театральные страсти

Автор дочитал пьесу и закрыл рукопись.

Режиссер выкручивал носовой платочек от набегавших слез.

– Ну, дружище, ты меня удивил! Я знал, что пишешь ты хорошо! Я предполагал, что ты создашь нечто... Но такое!!! Это гениально!

– Что вы, Наум Семенович, самая обычная вещь, которая выходит от меня, как с конвейера.

– Нет, Максим Николаевич, это совсем не обыкновенная вещь. Это маленькое чудо, которое может претендовать на вечность. Да! Это классика, которую можно поставить рядом с "Тремя сестрами" и "Гамлетом". А вас я причисляю, к живим классикам.

– Полно вам, Наум Семенович. Какой из меня классик. Я в тексте ошибки орфографические делаю.

– Ошибки эти ничто, когда выведены такие замечательные образы, когда так удивительно сплетен сюжет из нашей действительности. Нет, это гениально.

После таких слов автор осмелел, так сказать расправил крылья.

– А нельзя ли эту пьесу поставить в вашем театре?

– Конечно, можно. И мы её обязательно поставим, вот только я куплю своей Белочке шубу из Сомалийской панте-

ры, и тогда мы приступим к вашему бессмертному творению.

– Извините, Наум Семенович, но какое отношение имеет шубка из Сомалийской пантеры к театральной сцене?

– Самое прямое, мой дорогой. Дело в том, что моя Белочка потеряла сон и покой, после того, как жена нашего директора приобрела соболиную шубу. Она прямо на глазах чахнет. А я ведь её очень люблю, ибо она моя Муза, моё вдохновение. Сколько творений было создано мною под влиянием от её небесного очарования. Да, что я говорю. Вы ведь видели её. Без восторга на неё нельзя смотреть.

– Да, согласился автор, понимая, что другого ответа от него не ждут.

– И вот теперь это чудо, этот пупсик чахнет на моих глазах, и, если не будет шубки из Сомалийской пантеры, то точно пропадет мой Ангел, мое упоение, моя радость и наслаждение.

– Но каким образом, вы сможете ей купить или достать эту шубку. Неужели поедете в Африку?

– Никуда мне ехать не надо. Были бы деньги, и у нас все можно купить. С вами я буду откровенен. Вы знаете такого автора, как Помоловского?

– Кто же не знает у нас Помоловского. Известный интриган и бездарь.

– Да, вы правильно заметили бездарь. Но он принес мне пьесу и дает деньги на постановку пьесы и плюс премию, которая пойдет на покупку шубки для моей Белочки. Ну, ска-

жите, откровенно, могу ли я отказаться от такого предложения, которое спасет мою верную подругу и соратницу Белочку?

– Конечно, – уныло проговорил автор – к сожалению, я не располагаю такими возможностями.

– Вот именно. Так что потерпите, после шубки, может, что-нибудь получится.

Расстроенный Максим зашел в бар, и на последние деньги заказал себе рюмку водки. Сел за столик, и задумался над сложностью творческого процесса, над подводными камнями, которые встают на пути прогресса. Из задумчивости его вывел окрик.

– Привет, Максим.

Это был собрат по перу Потешкин.

– Что приуныл?

– Да, вот пьесу написал. Хорошую пьесу. Наум Семенович очень хвалил, но поставить её не может, ибо он должен выручать свою Белочку, которая чахнет на глазах из-за шубки из Сомалийской пантеры.

– Известная история, – заметил Потешкин.

– Но после он обещает мне поставить мою пьесу.

– Напрасная надежда, брат. Скинь розовые очки.

– Почему?

– Потому что следующим на очереди буду я.

– Как так?!

– Я покупаю для его дочери "Вольво", поэтому меня и

включают в репертуар.

Но ты не горюй, Максим. Если Наум Семенович сказал, то сделает. Хотя у него есть еще сынок дебил, которого он хочет устроить в институт международных отношений. Это факт. Представляешь, этот дебил думает, что Аляска располагается в Африке, а Берлин столица Франции. Настоящий дебил, но чего не сделаешь ради искусства.

Рассеянный – 3

– Нина, готовь сковородку, я рыбу принес, – крикнул с порога Виталий своей супруге.

Нина вышла из комнаты, где она смотрела очередной сериал, о нелегкой женской судьбе.

– Держи, – протянул большого карпа в пакете Виталий супруге.

– Ого. Килограмма на два затынет, – с восторгом сказала Нина.

– Ошибаешься. Он на все три затынет.

– Откуда ты знаешь, что он три килограмма весит?

Виталий на мгновение замешкался, но потом ответил.

– Да там, у парня одного были веса, так я его свесил.

– Где ж ты его выловил?

– Я ж тебе говорил, что на ставок запасной ехал.

– Так кум же говорил, что там воды в ставке нет. Высох от жары.

– Слушай того кума. Он всегда темнит, что бы никто не ездил на те места, где он рыбачит. Это ж такой плут, что другого такого не сыщешь на всем белом свете. Воды там полным полно, что мы даже купались там.

– С кем это ты купался, ты ж говорил, что сам едешь туда?

– Сам ездил, а там же были там ребята, у которых я веса брал, что бы карпа взвесить.

– Понятно.

– Да и поневоле пришлось мне скупаться, потому как схватила она меня и как потащила в воду, что я не удержался и упал в воду. Вот даже одежда не совсем высохла на мне.

– Я что-то не поняла, кто же тебя потащил в воду?

– Я ж тебе говорил, что она как потащила.

– Так карп же мужского рода. Это он затащил тебя?

– Да-а-а, я имел в виду, что большая рыба меня тянула в воду, а потом в кусты.

– Разве в ставках имеются кусты.

– Ну, не кусты, а эти как их называют...

– Камыш.

– Да, он самый камыш. Затащила она меня туда, что еле вытащил её оттуда, и вот к тебе на стол привез.

– Хорошо, давай удочку, а сам раздевайся... Ой, что-то от тебя так духами разит.

– Да-а-а это ж в лифту я ехал, а там ехала Светка с восьмого этажа, такая надушенная, что угореть можно.

Тем временем Нина стала рассматривать внимательно удочку.

– Виталик, а без крючка можно поймать рыбу?

– Конечно, нет. Какие же могут быть вопросы.

– Послушай, а у тебя ведь нет крючка на удочке?

– Не может быть. Дай посмотреть... Действительно, нет крючка. Что за чертовщина... Э-Э-то, видно, в трамвае он оборвался. Там же людей набилось, как селёдки. Вот и заце-

пился крючок за кого-то и оборвался.

– Хватит мне лапшу на уши цеплять.

– Истинная правда. Людей, как селетки, набилось, у нас же сейчас трамваи так редко ездят.

– А я тебе говорю, что хватит мне лапшу вешать, ибо это я тебе обрезала крючок на удочке. И ты совсем другую рыбу ловил!!!– закричала Нина и врезала по лицу мужа трёхкилограммовым карпом.

Ворона и сыр.

Вороне где-то бог послал кусочек сыра.
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было, совсем уже собралась.
Да...

Тут она увидела зеркало, которое может быть оставили туристы, а может белочка наводила здесь свою красоту или со- рока притащила блестящий предмет на ветку. А может, то хитрая Лиса примостила на ветку зеркало, что бы привлечь всех зевак. Как бы ни было, но Ворона увидела в зеркало кусочек сыра, и захотела завладеть и этим куском. Раскрыла рот и ударила клювом по зеркалу, но ничего не получила да и тот что держала во рту потеряла, ибо известная мудрость гласит, что упало, то пропало.

Резюме: В погоне за мнимыми благами, мы теряем настоящие ценности.

Про козерогів

По гороскопу я Козеріг. Ну, що козел це зрозуміло, бо всі ми стали "козлами відпущення" у наших політиків, але відносно рогів я незгоден. Наскільки мені відемо, то рогПро козерог ва э окрасою тих мужів, у кого дружина гуляє з усіма підряд чоловіками. Але ж моя не така... , моя не з усіма... Зі мною, наприклад, вона немає ніяких стосунків, крім дипломатичних, на рівні консульських. Режим візовий. Хочеш райської насолоди, відкривай свій гаманець. Плати гроші. причому в твердій валюті, буде доступ до тіла. А звідки в мене візьметься валюта, коли платню мені дають стабілізаторами до балістичних ракет. Тож пролітаю над подружнім ложе, як фанера над Парижем.

В минулому у мене цілковита колективізація та індустріалізація, а в майбутньому – демократизація і повна капіталізація. З демократизацією все зрозуміло, якщо раніше посилали на три веселі букви, то сьогодні ввічливо пропонують прийти завтра, а ще краще після дощичка в четвер. А от з капіталізацією поки що не розібрався, що це таке і з чим його їсти. Взагалі-то мільонерами ми вже було, тільки від того ми не стали не щасливішими, не заможнішими.

На серці в мене підступи "червового короля". Знаю я того "короля" – то мій шеф, який все норовить врізати мені платню, або зняти премію. А під серцем у мене туга за ков-

басою по два двадцять і Жигулівським пивом по двадцять дві копійки.

Мені дістаються повітряні замки та нездійсненні мрії про братство людей на землі, а моїм нащадкам – проценти з Марксового "Капіталу". І всім нам випадає далека дорога в світле майбутнє, про наближення якого повинен сигналізувати Робінович, але кажуть, що він продав його за тридцять срібняків і вшився на землю обітовану.

Театр и жизнь

В примерную забежал артист МАНОШКИН в одежде славного мушкетера, и с порога он начал кричать: "Нет, нет я больше не выйду на сцену хоть режьте меня на куски или бросайте в холодную пропасть!"

– Иван Семенович, но осталась ведь последняя сцена, – вслед ему кричал директор театра.

– Никогда я не выйду к этим варварам показывать высокое искусство.

– Миленький, но вы ведь знали, на что шли. Искусство требует жертв.

– Да, я знал это и готов был пойти на любые жертвы: терпел, когда нам не платили зарплату, терпел, когда в зале было холодно, терпел издевательства от режиссеров и директоров, но этого терпеть я не в силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.